

(4.29 линій) гладкая безъ поясковъ. Диаметръ пустоты 5 миллим. (2 линіи), губина ея (15,8 миллим.—6.2 линіи). При такихъ размѣрахъ и примѣси 30% по вѣсу олова пуля вѣсить 3 зол. 60 дол., т. е. около 15 граммъ. При обыкновенномъ боевомъ зарядѣ пѣхотной берданки, такая пуля имѣеть начальную скорость около 1600 фут. въ секунду. Если же мы выкинемъ просальники и взамѣнъ ихъ всыплемъ въ гильзу еще около $\frac{1}{4}$ золотника пороха, то скорость пули у дула дойдетъ до 1800 футовъ. Съ секунду такая пуля до 250 аршинъ дѣйствуетъ очень хорошо, по и при прибавкѣ олова лишь до 10—15% по вѣсу рвется въ тѣлѣ звѣря прекрасно.

С. Керцелли.

[Окончаніе слѣдуетъ].

Жѣсколько словъ о финляндской *) миѳологии.

Въ цѣляхъ изученія Русскаго Сѣвера намъ небезынтересно остановиться на его прошломъ, посмотрѣть какимъ образомъ, подъ влияніемъ различныхъ обстоятельствъ, слагалась жизнь жителя этого однообразнаго, но въ то-же время и глубоко своеобразнаго края.

Возьмемъ для примѣра хотя бы прошлое карела, самаго перво-бытнаго обитателя нашего Сѣвера,—то самое отдаленное прошлое, когда онъ жилъ еще, можно сказать, жизнью дѣтски-поэтическою. Какова же была эта жизнь и въ чемъ она выразилась? Лучшій отвѣтъ на это намъ можетъ дать только внимательное изученіо нынѣшняго карела. Вглядитесь, въ самомъ дѣлѣ, въ его натуру—живую, впечатлительную, одаренную богатой организацией, обратите вниманіе на его оригинальный складъ мыслей, разсмотрите его языкъ, пѣсни, вѣрованія, убѣжденія и вы безошибочно составите самое вѣрное понятіе о его прошломъ. Не пойдемъ далеко за данными; разсмотримъ хотя бы только сборникъ знаменитыхъ финляндскихъ миѳовъ „Kalevala“ (Калевала), собранный отцомъ финляндской литературы докторомъ Элласъ Лѣнротомъ.

Дѣйствительно „Kalevala“—это такая цѣнность, которою Финляндія (говоря безъ преувеличенія) можетъ гордиться. Ни одинъ изъ современныхъ пародовъ не сохранилъ своихъ миѳовъ, кроме финновъ **). И нужно отдать справедливость, что финская миѳология не уступаетъ миѳологии древне-греческой; напротивъ, по богатству и разнообразію миѳовъ она даже выше послѣдней. Какъ въ чистомъ зеркальѣ отразились въ нихъ все взгляды на жизнь и природу самого первобытнаго человѣка, чѣмъ эти миѳы и представляютъ захватывающій интересъ для каждого образованнаго человѣка. Это не то, что наши русскія былины, которыхъ возникли гораздо позже и въ которыхъ въ фантастическихъ образахъ богатырей повѣствуется объ исторической были. Такъ, напримѣръ, борьба Ильи Муромца „съ несмѣтною силою татарскою подъ Черниговомъ“, стоянье богатырей на заставѣ, борьба съ Жидовиномъ—

*) Вѣрнѣе было бы сказать карельская миѳология, такъ какъ все миѳы, вошедши въ финскій сборникъ „Калевала“, собраны исключительно въ Карелии.

**) Часторечемъ, финновъ-карель, а не собственно финновъ, подъ которыми мы подразумѣваемъ тавастовъ, жителей Саволакса и др.

все это отголоски той исторической эпохи, когда русскій народъ велъ трудную, вѣковую борьбу съ насѣдавшими на него врагами—хозарами, половцами, печенѣгами, татарами и другими. Въ миоахъ же выражается взглядъ человѣка на мірозданіе: на возникновеніе воды, воздуха, суши, небесныхъ свѣтиль, огня, грома и молніи, растеній и животныхъ; здѣсь же мы видимъ, какъ смотрѣлъ первобытный человѣкъ и на такія явленія, какъ напримѣръ, рожденіе и смерть, какія были у него семейныя обстоятельства и т. д. Но яснѣе всего въ „Калевалѣ“ отразилось отношеніе человѣка къ музыкѣ. Это видно уже изъ того, что главными героями миоовъ являются лица, обладающія не мужествомъ, не отвагой и не физической силой, какъ это бываетъ въ былинахъ,—а даромъ поэзіи. Такъ, когда W  in  m  inen (В  ин  м  инъ), главный герой „Kalevala“, поетъ и играетъ на кантэлѣ (гусли), то всѣ животныя, рыбы, птицы и даже всѣ миоические боги собрались около него,

Чтобы ту игру послушать,

Чтобы, радуясь, дивиться».

Не лишена „Kalevala“ и исторического элемента. Такъ, напримѣръ, міоъ „О происхожденіи желѣза“ рисуетъ намъ ту эпоху, когда человѣкъ только что отсталъ отъ своихъ примитивныхъ каменныхъ орудій, уступившихъ мѣсто металламъ.

Читается „Kalevala“ очень легко, такъ какъ она написана весьма красивымъ, музыкальнымъ, полнымъ самыхъ художественныхъ образовъ, слогомъ. Она переведена на всѣ европейскіе языки и даже на японскій. На русскій языкъ это капитальное произведеніе переведено весьма удачно А. Бѣльскимъ.

Слѣдуетъ, однако еще разъ замѣтить, что всѣ миоы, заключающіеся въ „Kalevala“, собраны не въ центральной Финляндіи, а на ея юго-восточныхъ окраинахъ, въ губерніяхъ: Выборгской, нынѣшней Архангельской (Бѣломорская Карелія) и частью Олонецкой (Повѣнѣцкій уѣздъ). Здѣсь же собранъ и другой сборникъ „Kanteletar“ (Кантелетаръ), заключающій въ себѣ сказки, пѣсни, причитанія, лирическія стихотворенія, пословицы, поговорки и пр.

Всѣ эти произведенія не могли создаться собственно въ Финляндіи, т. е. у тавастовъ, эстеръ-ботнійцевъ, саволаксинцевъ и другихъ, если не совсѣмъ лишенныхъ, то все-же далеко уступающихъ въ поэтическомъ творчествѣ предъ своими восточными сосѣдями-карелами. Одаренный, какъ мы уже сказали, чуткимъ и впечатлительнымъ умомъ, карель умѣлъ быстро и безошибочно схватывать всѣ явленія окружающей его природы. Такъ, лѣса, рѣки и озера съ ихъ обитателями, горы и долины, глубокая лазурь неба, небесная свѣтила, атмосферные явленія—все это оставляло неизгладимый слѣдъ въ поэтической душѣ карела, такъ ясно отразившейся въ его творчествѣ.

Собирание этихъ народныхъ произведеній въ Выборгской губерніи не прекратилось и до настоящаго времени. Даже датчане въ послѣднее время усиленно занялись собираниемъ карельскихъ поэтическихъ древностей. Что же касается губерній Олонецкой (кромѣ Повѣнѣцкаго уѣзда) и большей части Архангельской, то, какъ мы знаемъ, народный эносъ здѣсь носитъ уже чисто историческій характеръ, т. е. характеръ былинъ. Причина, почему здѣсь (главнымъ образомъ въ Олонецкой губерніи) не сохранились миоы, которые, можетъ быть, здѣсь и существовали, объясняется, навѣрное, тѣмъ, что олонецкій карель развился раньше

своего сосѣда-финского карела, а поэтому скорѣе послѣдняго и забыть свой первоначальный эпосъ.

Развитію же олонецкаго карела способствовали сношенія съ русскими. Въ то время, какъ финскій карель, никѣмъ не тревожимый, еще спокойно обиталъ среди дѣственной природы, дававшей обильную пищу его живой фантазіи, олонецкому карелу то и дѣло приходилось сталкиваться съ русскими (новгородцами), которые, безъ сомнѣнія, наложили на него свой отпечатокъ. Смѣшавшись съ славянами, карель быстро переняли отъ нихъ правы, обычаи, костюмъ, а главное—языкъ. Вмѣстѣ съ языкомъ карель заимствовалъ у славянъ же и сюжеты для своего нового эпоса; всѣ тѣ преданія о богатыряхъ, которыхъ хранились у русскихъ, нашли громкій откликъ въ поэтической патурѣ карела, будучи слагаемы имъ въ стихотворную форму, форму сохранившуюся до насъ въ видѣ былинъ, историческихъ пѣсенъ и т. д. Вотъ почему большая часть послѣднихъ не сохранилась ни где въ другой части Россіи, а сохранилось именно здѣсь въ Олонецкомъ и Архангельскомъ краяхъ, у великороссовъ,—племени, образовавшагося отъ смѣшения славянъ съ финнами (карелами).

Въ заключеніе слѣдуетъ подмѣтить, что и въ настоящее время еще не исчерпанъ весь запасъ здѣшней поэзіи. Но тѣмъ не менѣе, въ вилахъ собиранія ея нужно спѣшить, такъ какъ, благодаря развитію образования, постепенному улучшенію путей сообщенія, что облегчаетъ доступъ новизнѣ, а также многимъ другимъ причинамъ, знаніе былинъ и пѣсенъ здѣсь быстро падаетъ.

Н. Руотси.

Человѣческія жертвоприношенія Вотяковъ.

Въ пяти губерніяхъ Европейской Россіи—Вятской, Казанской, Чернскай, Уфимской и Самарской обитаютъ народности финского племени—вотяки. У нихъ—свой языкъ, свои вѣрованія и міровоззрѣнія.

Большинство вотяковъ—христіане, по болѣе по названію, обо они до сихъ поръ усердно исполняютъ свои „старые“ обычай; до сихъ поръ у нихъ христіанская вѣра предъ старой, языческой, отступаетъ па второй планъ, особенно въ годины эпидемическихъ болѣзней и сильныхъ недородовъ.

Въ настоящей статьѣ я намѣренъ познакомить почтеннѣйшихъ читателей съ обрядами человѣческихъ жертвоприношеній, существовавшихъ у вотяковъ въ прежнія времена, въ тѣ времена, когда грубый политеизмъ господствовалъ у нихъ въ полной силѣ. Я не говорю, что такие обычай у нихъ отошли уже въ область преданій; вѣдь, если мѣстами вотяки до сихъ поръ упорно держатся старины, то и нынѣ мѣстами грубые обычай язычества могутъ повторяться.

До извѣстнаго въ свое время „Мултанскаго дѣла“ вотяками интересовались мало; только нѣкоторые изъ любителей этнографіи, болѣе при случайныхъ переѣздахъ по вотскимъ мѣстностямъ, записывали въ свои дорожныя тетради все то, что не могло не интересовать ихъ, и по-